

БУНТАРЬ ОТ МЕЛЬПОМЕНЫ

Для почитателей Нила Богдановского-Мерянского нынешний год — особенный. 150 лет назад он появился на свет, 110 лет назад — построил новгородский театр и вот уже 60 лет как покоится на таллинском кладбище «Сизелинна». На скромной его могиле надпись «Артист — дедушка Нил Мерянский. 4.2.1846 — 7.4.1936».

Он объездил пол-России от Царского Села до Одессы и от Симбирска до Старой Руссы. Но больше всех городов на свете Нил Иванович любил Новгород. Может быть, история и дух этого города как нельзя лучше подходили неумному нраву актера, антрепренера, журналиста, издателя Богдановского (сценический псевдоним Мерянский), но так или иначе, будучи уже в довольно зрелом возрасте, он осел на постоянное место жительства в славном городе на Волхове. Здесь он чудил, созидал, творил, мечтал.

Вот что вспоминает о нем Владимир Кригер (известный актер и к тому же зять Богдановского): «Это была крупная фигура в театральной провинции. Дело у него всегда было верное, и каждый шел к нему служить с большой охотой».

Поселясь в Новгороде, Нил Иванович не утратил ходившую за ним по пятам славу оригинала. Еще в 1870 году, работая в Вятке, он ставил в тупик местную администрацию разными проделками, о которых вятский губернатор официально доносил в Главное управление по делам печати и просил специальных административных полномочий для усмирения строптивного антрепренера. А служба Мельпомене Петербурга, он настолько тщательно вел дела Василеостровского театра, что столичные «Новости» утверждали: «Он один обнаруживает серьезное знание театрального дела».

Мерянский всем и всегда говорил в глаза правду. В Новгороде он избирался гласным думы, пользовался большим авторитетом и уважением. Видимо, основываясь на собственном опыте, решил поставить пьесу «Гласный городской думы», в которой

собственноручно загримировал всех артистов. В результате, несмотря на шумный успех, его торжественно попросили выйти из состава гласных. Он гордо ушел, бросив на прощание: «Какие же вы гласные, когда боитесь гласности?!».

Через два месяца на выборах большинством голосов его опять утвердили в думу.

Острого язычка Нила Ивановича побаивался сам губернатор, недолголюбивал архiereй. За нелюбезную правду его не раз привлекали к судебной ответственности. Особо здесь старался полицмейстер Сердюков, придиравшийся при малейшей возможности к любой мелочи, касавшейся театра, и, конечно, к его руководителю. В скором времени Мерянский поквитался с ним весьма оригинальным способом. Как-то к нему в «Волховский листок» (газета, издаваемая Мерянским с 1903 года, пришел человек с просьбой поместить «подешевле» объявление о чудодейственном, изобретенном им порошке от тараканов. А фамилия изобретателя оказалась... (ну надо же!) Сердюков! Тогда Мерянский бесплатно опубликовал объявление: «Сердюковский порошок от тараканов. С почтением Сердюков». Все. Даже адреса изобретателя не дал. Можете предположить реакцию бедного полицмейстера, засыпанного письмами и телеграммами с просьбой о высылке «запатентованного» средства.

Впрочем, не только «Волховский листок», занимавший достойное место среди десятка новгородских периодических изданий, принадлежал Нилу Ивановичу. Поначалу он издавал «Листок объявлений». Кроме того, имел свою типографию, книжную лавку, торговывшую всякой всячиной, а

еще театр. Летом 1886 года состоялось открытие деревянного театра, который, по воспоминаниям современников, хоть и походил снаружи на амбар, но внутри был хоть куда. Было в нем даже паровое отопление, трубы которого, правда, имели особенность греть, урчать, завывать в самое неподходящее время. Первоначально он был устроен как летний, но хорошие сборы позволили переделать его на зимний.

Актеров было довольно много, причем большая часть их была хорошо известна и в других городах России. Но при всей самоотдаче и таланте провинциальный театр не всегда мог даже досыта накормить их. Самым страшным, пожалуй, сезоном стал сезон 1891—92 годов, когда вдохновитель и владелец театра отбыл дебютировать в Москву, в театр Корфа (где в роли Городничего снискал восторг публики и прессы и был даже сравнен с самим Щепкиным М. В.). А на труппу обрушились беды. Зрители почему-то впали в апатию, на все ухищрения актеров зал отвечал пустым гулом, а тут еще приехал на гастроли цирк, сманивший последних театралов. Все кончилось жестоким голодом, продажей вещей, нуждой и болезнями. Но, несмотря ни на что, Новгородский театр просуществовал аж до 1918 года, а потом сгорел.

Сам же Нил Иванович, надо сказать, тоже был прекрасным актером. Дебютировав еще 18-летним юношей в Симбирске в пьесе «Доходное место», он и потом любил спектакли по Островскому и блестяще в них играл. Ставил он и Гоголя, Мольера, включал в репертуар пьесы, которые газеты называли «давно забытыми», и архивные, рассчитанные на местную сенсацию. Уже в довольно зрелом возрасте Мерянский оставался непосредственным и жизне-радостным. Так, в 1913 году он примкнул к гонщикам, совершающим велопробег Москва — Петербург, и с ветерком прокатился до города на Неве. Свое самое последнее «чужество» в России борец

за правду провернул, конечно же, в революцию, сразу и навсегда не приняв новой власти. Всю жизнь заботясь о бедняках, собирая для них деньги, делясь всем чем мог, он не сумел смириться с правлением «новых» людей. Уже в апреле 1917 года он прекратил издавать «Волховский листок», который к тому времени выходил уже 14 лет и стал настоящей губернской газетой, поскольку продавался не только на Новгородчине, но и в Петербурге.

А вскоре он с семьей переехал в Эстонию, где еще долгие годы играл в Русском театре. Но, где бы ни закончились дни ядовитого бунтаря, не стоит забывать о том, что ровно половину своей жизни он отдал Новгородчине и городу, который полюбил с первого взгляда...

Максим
ВЛАДИМИРОВ.

P. S. Впрочем, в этом году юбилей семьи Богдановских только начинаются Нилом Ивановичем. Вскоре — 9 апреля — исполняется 100 лет со дня рождения его внучки Викторины Кригер, известной во всем мире артистки балета, которая впервые вышла на сцену именно в Новгороде. Но ей уже тесно станет в России. В 20-е годы она будет представлять молодой советский балет за рубежом, и рукоплескать ей станут Нью-Йорк, Прага, Берлин, Стокгольм...